

Карасева Анна

Краснодар, МАОУ СОШ №10, 11 класс

МУ ДО «Малая Академия»

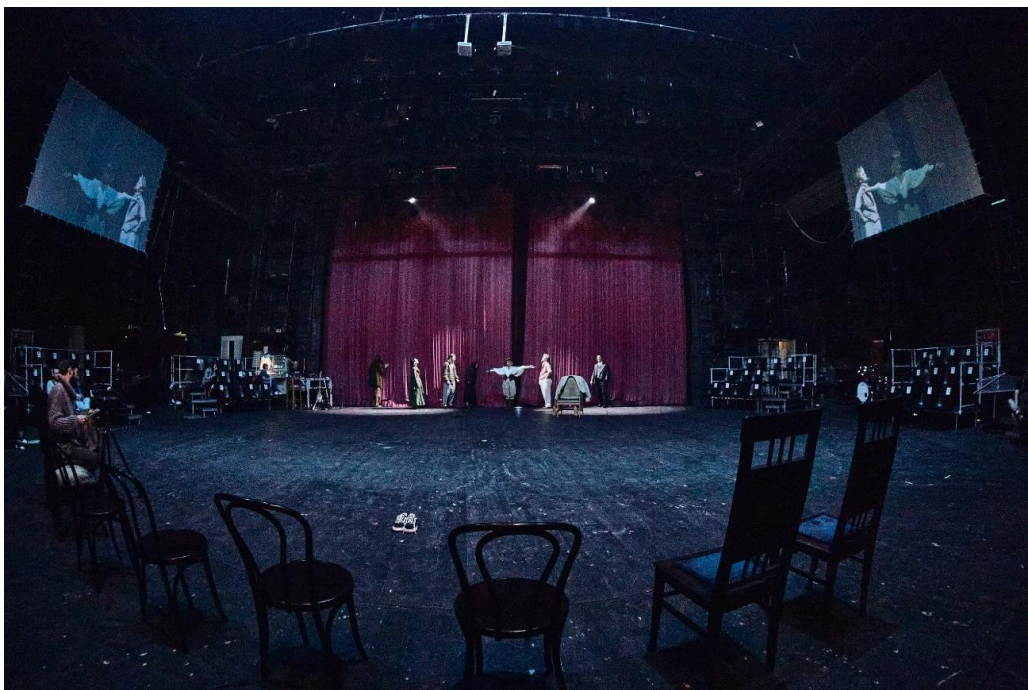
Рецензия на спектакль «Чайка», Краснодарский академический театр драмы им. М. Горького (по пьесе А.П. Чехова)

Режиссер: Андрей Гончаров

Трагедия несостоявшихся надежд.

Самая загадочная пьеса А. П. Чехова не давала покоя многим актерам и режиссерам по всему миру, более 73 тыс. постановок «Чайки». Одна из них – спектакль в Краснодарском академическом театре драмы им. М. Горького.

73.000 – цифра, довольно впечатляющая. Поэтому и спектакль должен быть по-новому особенным и неповторимым. Именно таким его делает Андрей Гончаров. Режиссер, приближает происходящее действие к нашим дням. Чеховский текст как никогда звучит актуально. Необычно здесь всё: начиная со сценографии и заканчивая интерпретацией. Несмотря на это, Андрей Гончаров умело сохраняет баланс между современностью и классикой.

Спектакль идет на большой сцене, и что самое интересное, публика сидит не в зрительном зале, а прямо на сцене в паре метров от актёров (художник-постановщик Константин Соловьев, известный уже в Краснодарском драмтеатре по работам: «Двойник», «Записки из мертвого дома», «Космос», «Бесприданница», «Утиная охота»). Мест здесь немного - всего 120 - засчет этого достигается особая камерность постановки. Всё затягивает зрителей в «круговорот событий»: и вращающийся сценический круг, и поворотное кольцо,двигающиеся то вместе, то в противодействие. В центре этого круговорота стоит то микрофон, за которым Сорин отзывается эхом на реплики персонажей. Не отвечает, а отзывается эхом, повторяя слова! Уже здесь проявляется излюбленный чеховский прием - диалог глухих (о нем - немного позже), или за которым Тригорин размышляет о трудностях писательского бытия, то необыкновенная беседка, где Аркадина мажет тело кремом, стремясь сохранить молодость, то стол, за которым спустя 2 года после отъезда Ирины и Бориса снова соберутся все герои и решатся (а может и нет) их судьбы...

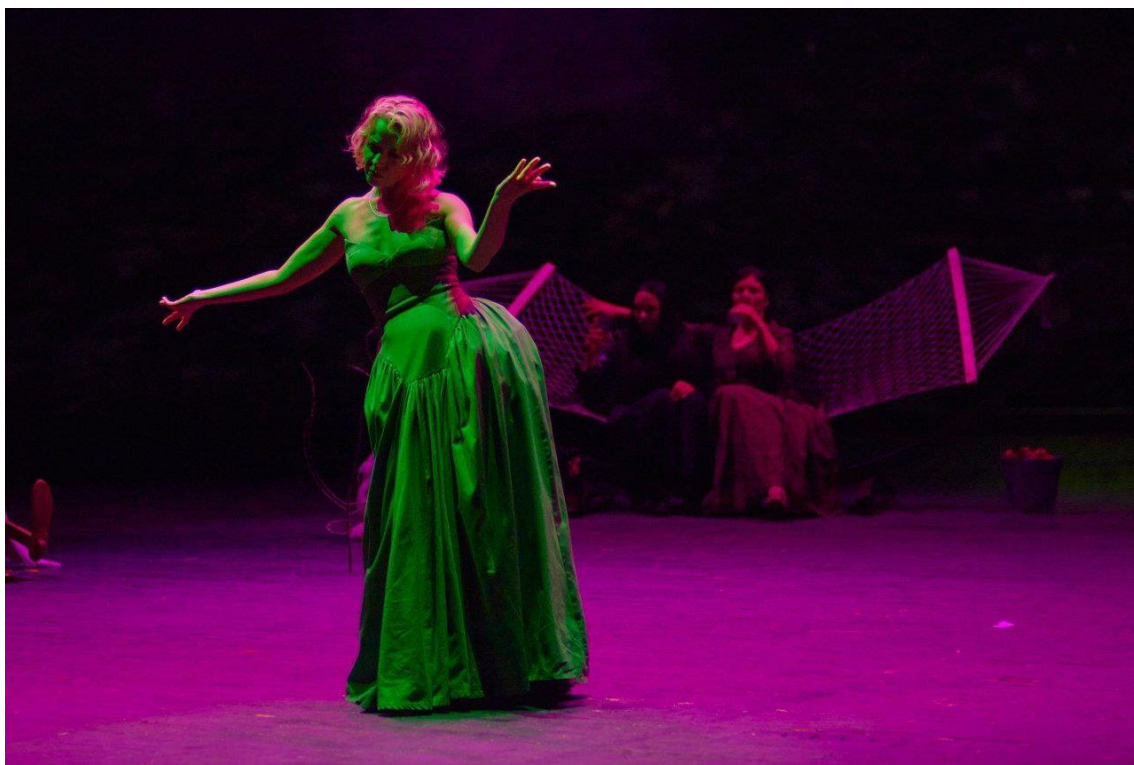
По сторонам от зрительских мест находятся кулисы, сверху – экраны для проецирования самых важных моментов, напротив - закрытый занавес. Но когда Константин приглашает всех родных и зрителей посмотреть спектакль «новых форм» (ломаю четвёртую стену: Треплев на прямую обращается к публике, просит снимать и отмечать в соцсетях публикации хештегом: «О вы, почтенные, старые тени, которые носитесь в ночную пору над этим озером, усыпите нас, и пусть нам приснится то, что будет через двести тысяч лет!»). - цитата из текста пьесы), изумрудный занавес раздвигается и настоящий зрительный зал становится пейзажем - озером в поместье Сорины, где забравшись на камень среди волн (кресел покрытых белой тканью), Нина Заречная произносит знаменитый монолог: «Люди, львы, орлы и куропатки...», а после Татьяна Голоперова (исполнившая роль Нины) играет не баяне необычную, как и спектакль Треплева, но такую завораживающую мелодию, которая говорит громче любых красивых слов...

Любимый прием Чехова, диалог глухих, является одной из главных составляющих спектакля. Герои не слушают и не слышат друг друга, но в определённые кульминационные моменты они соединяются в

музыкальный оркестр и сливаются в единой мелодии, в унисон играют Тригорин и Заречная, он - на саксофоне, она - на трубе. Мелодии здесь звучат настолько пронзительно и пронизывающе, что кажется, музыка — это голос души, который не могут выразить словами сами герои.

Особую роль здесь играет и свет (художник по свету Мария Панютина). Именно он выстраивает атмосферу и настроение: когда Аркадина выходит в центр и начинает сливаться в танце с музыкой, пространство погружается в фиолетовое освещение: цвет власти и роскоши, внутренней силы и независимости, а когда появляются Тригорин и Заречная, цвет плавно перетекает в малиновый, в цвет любви и страсти, одновременно мужества и женственности. В трагичные кульминационные музыкальные моменты все погружается в темно синий, серый свет.

Андрею Гончарову удаётся передать чеховскую «подводную» драматургию — когда главное происходит не в громких монологах, а в паузах, взглядах, случайных репликах. Истинные чувства здесь скрыты за бытовыми диалогами.

Чехов хотел, чтобы все его пьесы играли как комедии, ведь писал он именно КОМЕДИИ. В письме жене Антон Павлович писал: «Почему на афишах и в газетных объявлениях моя пьеса так упорно называется драмой? Немирович и Алексеев в моей пьесе видят положительно не то, что я написал, и я готов дать какое угодно слово, что оба они ни разу не прочли внимательно моей пьесы...» - в своем послании драматург писал о премьере «Вишнёвого сада», но касалось это и других его произведений. И Гончаров ставит комедию, с трагичным концом, но комедию.

Здесь все персонажи гротескно смешны: Маша Шамраева (Ольга Вавилова) с выбеленным лицом и подведенными глазами одета в готическую, черную одежду, девушка занята тем, что ходит широкими шагами и грудным низким голосом, как в фильме ужасов, ищет и зовет

Треплева: «Константин Гавриииилыч, Ау!»; Полина Андреевна (Елизавета Велиган) навязчиво ухаживает за нелепой «старой клячей» в зеленом плаще с большим капюшоном – Дорном (Виталий Борисов), не сразу узнаешь в нем «главного красавца и любовника» поместья, именно он дает совет Косте: «Изображайте только важное и вечное», эта формула станет культовой в русском, и не только, театре; нудный Медведенко (Роман Бурдеев), смешон тем, что озвучивает Маше актуальную учительскую зарплату за вычетом подоходного налога, которая с каждым разом становится меньше.

Аркадина (Олеся Богданова) сменяет ковбойский костюм (да-да, вначале она выезжает на деревянном коне, как настоящий ковбой) на неоновое салатное платье, сколько пластичности в каждом ее движении (хореограф Юлия Блохина). Ирина стремится сохранить свою молодость, и еще больше старается, когда Нина появляется с Борисом, то натирает кремом тело, то рисует на лице гротескный, комичный макияж: выбеленное лицо, огромные красные румяна. А когда Тригорин ускользает от нее, она бросается на колени, унижается, но добивается того, чтобы Борис остался с ней: «Ты такой талантливый, умный, лучший из всех теперешних писателей, ты единственная надежда России, Борис!!!».

Тригорин (Михаил Дубовский) в первом акте представлен нам таким brutальным беллетристом с бородой, то в грубом свитере и забродах, то в мешковатом костюме. Он тот самый недостижимый идеал мужчины, к которому стремится Нина, он – яблоко раздора. Бросая (на время) Аркадину, он уходит к Заречной, к свежей, новой, юной страсти. А как танцует он с Ниной! Он - отчаянно, нервно, изо всех сил, хватаясь за возможность побыть рядом с этой юной, как говорилось выше, энергией, она же - наивно, влюблённо, восторженно.

Заречная безумно влюбляется в Тригорина. И несмотря на то, что в четвертом действии она из-за него столько всего пережила: предательство, смерть своего сына – она его не смогла разлюбить. Она любит его до отчаяния, страстно. Все что с ней произошло, весь этот трагизм, еще больше подпитал в ней чувства. Ведь Чехов писал: «... много разговоров о литературе, мало действия, пять пудов любви»...

Режиссёр выбирает на роль Заречной не «голубую героиню», хрупкую, нежную, девушку, а обращает внимание на типаж Татьяны Голоперовой, и благодаря этому типажу раскрывает в Нине наивность, честность, доброту, искреннюю веру в чудеса. Она стремится быть такой же, как они, как Тригорин, Аркадина. Сменяя черную тунику на голубое платье, Нина внешне становится похожей на Ирину.

Заречная сначала воодушевилась, влюбилась во всю эту жизнь, а потом обстоятельства сложились так, что она поняла: люди не такие, какие есть на самом деле...

К концу первого акта, герои начинают выглядеть еще более гротескно. Сорин – в одних толщинках на мускулистое тело, Аркадина в красных рюмках, Костя в костюме подстреленной чайки, Тригорин, в воодушевленно приподнятом настроении, Маша Шамраева на грани жизни и смерти из-за неразделенных чувств.

Спустя два года Аркадина вернется, но сыграет ее более взрослая актриса (Наталья Арсентьева). В ее исполнении Ирина стала мудрее, менее расточительной, да, она уже не молода, но она так же осталась прямой этого поместья.

Возвращается другим и Тригорин, без бороды, гладко выбритый. Но с взъерошенными волосами и выбеленным, как у клоуна лицом – это его маска, с которой он может здесь появиться после того, что произошло в Москве, после того, как он разошелся с Ниной и вернулся к своей прежней привязанности Аркадиной. Он понимает, что о нем думают окружающие в деревне, поэтому он не может здесь быть в прежнем облики. По сравнению с Борисом Треплев выглядит хуже, он сгорблен годами, поседел, да, они в одинаковых тканевых доспехах, но Тригорин до сих пор остается круче и лучше, чем он. Все изменились за эти два года внешне... (А внутренне?)

Заречная выйдет из пустого зала в красном платье, снова с баяном. И ее монолог не о чайке, а о вере и силе. Уверенно, чувственно прозвучат слова: «Я верую и мне не так больно, и когда я думаю о своем призвании, то не боюсь жизни». Костя, так долго ждавший ее, не ожидает этих слов, они его сломают... И камень, на котором когда-то Заречная играла в его спектакле, станет могильным надгробием... Наконец Аркадина обратит внимание на сына, но уже будет поздно...

Горящая мать бросится на валун под крики чаек и трагическую, пронизывающую и разрывающую душу на части музыку...

Виктор Франкль говорил: «Жизнь имеет смысл только тогда, когда мы находим свою цель» - у этих героев конкретной цели не было, они все страстно желали постичь счастье, но ни у кого этого не получилось, потому что никто для этого ничего не предпринял...

«Чайка» — это спектакль и о людях искусства, муках творчества, беспокойных, мятущихся молодых художниках, и о самодовольстве старшего поколения, охраняющего завоеванные позиции. Это спектакль и о любви, о неразделенном чувстве, о взаимном непонимании людей, и о жестокой неустроенности личных судеб. Наконец, это спектакль и о мучительных поисках истинного смысла жизни, общей идеи, цели существования, определенного мировоззрения, без которого жизнь — «сплошная маета, ужас». Здесь комическое и трагическое неразрывно сплетены в единую ткань повествования. Эта двойственность — не просто художественный приём, а отражение самой природы человеческой жизни, в которой смешное и печальное сосуществуют постоянно...

Фотографии из архива Юлии Марининой, Анны Карасевой